

**СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ**

**ЭПОХА
ПОРЯДКА**

Валерий ШАРАПОВ

**Станция
расплаты**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Станция расплаты / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Советская
милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-229797-7

1975 год. На Ярославском вокзале готовится к отправке поезд, к которому прицеплен почтовый вагон с ценными международными посылками. Сопровождают груз четверо почтовых служащих, среди них новичок — Ленька Седых. Неожиданно к бригадиру состава обращаются демобилизованные солдаты с просьбой взять их в качестве пассажиров: они прогуляли все деньги, не на что купить билеты. Бригадир соглашается помочь дембелям... На следующей станции к составу срочно вызывают милицию. Прибывшие оперативники увидели такое, что поразило их своей жестокостью: вагон разграблен, почтовики перебиты. Тяжело раненный Ленька успел передать следователю странное послание, которое стало единственной зацепкой в этом кровавом деле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229797-7

ГЛАВА 1

Для москвичей июнь 1975 года выдался жарким. Пятого числа стрелка термометра с комфортных девятнадцати градусов подпрыгнула сразу до двадцати девяти. И это в тени! На солнце же температура доходила до невероятных для Москвы тридцати пяти градусов. Государственные служащие, вынужденные и летом ходить в темных брюках и пиджаках, обливались потом. Ребяшня, вопреки запретительным табличкам, установленным у каждого уличного фонтана, раздевшись до трусов, ныряла под его теплые струи. Дворовые собаки, высунув язык, валялись в пыли, птицы и те старались не вылетать без особой надобности из тени. К трем часам дня город словно вымер. С улиц ушли все, даже туристы, которых летом в столице бывает больше, чем самих москвичей. И только городские вокзалы продолжали жить в обычном ритме.

Ярославский вокзал, расположенный на Комсомольской площади, не был исключением. Пассажиры, прибывающие с одноименной станции метро по Сокольнической линии, широким потоком вливались в гудящую толпу, смешиваясь с приезжающими, станционными служащими, торговками и носильщиками.

— Носильщик, кому носильщика! Подходи, не стесняйся!

— Пирожки! Горячие пирожки!

— А вот картошечка, только из печи! Огурчики соленые, хрустящие!

— Па-а-а-аберегись! Па-а-аберегись!

Во все стороны сновали люди, кто с чемоданами, кто с узлами, кто налегке, с тонким портфельчиком. Продирались к железнодорожным кассам, где им предстояло отстоять длиннющую очередь, прежде чем заполучить вождеденный билет на поезда дальнего следования. Толкаясь, двигались через помещение вокзала, мечтая оказаться в относительной прохладе железнодорожной платформы. Покупали пирожки и отварной картофель, чтобы перекусить ими в поезде. Прихватывали в киоске «Союзпечать» свежую газету, которая спасет от скуки в пути. И говорили, говорили, говорили... А из громкоговорителя каждые полминуты, перекрывая общий гул, вещала гнусавая тетка:

СТАНЦИЯ РАСПЛАТЫ

— На второй путь прибывает электропоезд Кострома — Москва. Повторяю: на второй путь прибывает электропоезд Кострома — Москва. Нумерация вагонов с хвоста поезда.

Или:

— Кто оставил багаж в буфете железнодорожного вокзала? Просьба подойти к начальнику вокзала.

А следом:

— Со второго пути отправляется поезд Москва — Киров. Провожающих просим покинуть вагон. Повторяю...

И так до бесконечности. Поезда следовали один за другим: Архангельск, Череповец, Кинешма, Ярославль. Пассажиры забрасывали сумки в тамбур, карабкались на подножки, добирались до нужного купе и, распахивая по багажным полкам чемоданы и баулы, устраивались у окна и радостно махали провожающим. Их задача была выполнена: попали в вагон в срок — вот и славно. У служащих железной дороги работа продолжалась до последней минуты, пока поезд не тронется и гнусава тетка не объявит об отправлении очередного состава.

Носильщики поспешно загружали чемоданы в багажный вагон, работники вагона-ресторана получали продукты питания, которые задержались в пути и прибыли на платформу в последний

момент, проводники проверяли наличие воды и средств гигиены. Но самая кипучая деятельность разворачивалась возле почтового вагона. Он представлял собой обычный вагон, в котором вместо привычных купе организовали багажный отсек, а вдоль стен, где обычно располагались окна, собрали полки-ячейки для сортировки почтовых отправок. Теперь сортировать почту можно было на всем пути следования, экономя на этом время доставки почти в три с половиной раза. С начала шестидесятых это нововведение охватило всю систему почтовой связи и к 1975 году превратилось в целую индустрию. Чаще всего почтовые вагоны прикрепляли к пассажирским поездам, но существовали и отдельные единицы, так называемые почтово-багажные поезда, где таких вагонов было несколько.

Почтовые вагоны, входящие в состав скорых или обычных пассажирских поездов, производили погрузку-выгрузку почтовых отправок только на крупных узловых станциях. Для почтово-багажных составов было предусмотрено особое расписание, и они могли забирать почту на всех остановках, запланированных на пути следования. Во время пути в почтовых вагонах трудились от четырех до десяти человек, в зависимости от маршрута следования. Здесь же, в вагонах, служащие ели, спали, проводили свободное время

СТАНЦИЯ РАСПЛАТЫ

и, конечно, загружали и разгружали почтовые отправления. Как правило, для работы в почтовых вагонах нанимали самых опытных сотрудников почтамта, потому что человеку без опыта легко было запутаться в такой массе мешков и контейнеров с письмами, бандеролями и посылками, которые предстояло обработать за время пути. Но случались и исключения.

Ленька Седых и был таким исключением. Всего три дня назад он окончил курс машиниста железнодорожного училища. Осенью ему предстояло послужить Родине в войсках Советской армии, а пока он чувствовал себя вольной птицей. Лети, куда душа пожелает! Его душа желала лишь одного — быть поближе к железной дороге. Но, увы, помощником машиниста его не взяли, потому как до совершеннолетия предстояло ждать долгих три месяца, поэтому он напросился в помощники почтальона в почтовый вагон. В этом вагоне служил его сосед Егор Демидович Пашков. Егор когда-то был дружен с отцом Леньки, погибшим под колесами поезда пятнадцать лет назад, и отказать парнишке в просьбе взять его работать помощником не нашел сил. А зачем, собственно, отказывать? Проявил парнишка рвение к труду — поощри рвение, так считал Егор Пашков.

В этот день Ленька поднялся ни свет ни заря. Шутка ли, первый рейс в почтовом вагоне, и сразу

на Владивосток! Это ж сколько дней на колесах провести! Мечта, да и только. Мать собрала ему в дорогу съестного, положила в рюкзак три футболки, пару спортивных штанов, пару носков, целую стопку трусов и теплую кофту «на всякий случай». Ленька не возражал. Он почти никогда не возражал матери, жалел ее. Не каждому доведется в двадцать три года овдоветь, и не каждый при этом не потеряет интерес к жизни. Ленькина мать не потеряла, и за это он уважал ее еще сильнее.

Оказавшись на вокзале, Ленька с наслаждением вдыхал неповторимый запах железной дороги, навевающий мысли о путешествиях и приключениях. И пусть он припахивал моторным маслом и креозотом, которым щедро пропитывали шпалы, для него, Леньки, лучше этого запаха не было ничего на свете. Он во все глаза таращился на специальные приспособления почтового вагона, ощупывал мешковину, в которую складывали письма и бандероли, поглаживал большим пальцем сургучные печати на ящиках с посылками и нюхал, нюхал, нюхал...

До полудня грузили мешки с почтой, затем пошли обедать в вокзальную столовую. После обеда пятнадцать минут кемарили в вагоне и снова пошли грузить. К трем часам жара достигла своего пика, почтовые работники сгибались под тяжестью мешков и потели в толстых суконных уни-

формах. Они проклинали лето и жару, а Ленька наслаждался непривычной суетой, наблюдал за прибывающими поездами и глазел по сторонам, позабыв о том, что пришел сюда работать.

— Ленька, коза тебя задери, ты чего прохлаждаешься? — зычный голос Егора Пашкова вывел парнишку из состояния эйфории. — Сейчас с «международки» мешки привезут, а ты ворон считаешь! Шевели оглоблями!

«Международкой» почтовики называли отправления, прибывающие с Международного почтамта, расположенного около Ленинградского вокзала и запущенного в эксплуатацию в 1962 году. Первый в стране почтамт, который собирал почтовые отправления из десятков стран мира. Раз в четверть часа от почтамта отходила машина, груженная мешками, полными ценных посылок, бандеролей и писем. И раз в час сам Международный почтамт принимал точно такие же мешки, готовые к отправке за границу. Пропустить доставку с «международки» грозило выговором, а потеря хоть одной единицы почтовых отправок — увольнением. Вот почему к встрече «международки» готовились особо тщательно. Об этом знали все, кроме новичка Леньки.

— Чего кричишь, дядя Егор? Тут я, на месте. На пассажиров малясь засмотрелся. Уж больно смешные попадаются. — Ленька миролюбиво улыбнул-

ся, глядя на строгого начальника. — Вот хотя бы та тетка в красном сарафане. Надо же было в такую жару красное надеть! У нее кожа того же цвета, что и сарафан. Рак вареный! Умора, да и только!

— Будет тебе сейчас умора. — Егор замахнулся на Леньку, но бить не стал. — Шевелись, тебе говорят, иначе мигом на берег спишу!

— Да чего делать-то? — расстроился Ленька. — Нету же никого.

— А ты все равно будь готов. Вон, видишь, вдалеке телега едет? Это по нашу душу.

Ленька взгляделся в дальний конец платформы, там и правда двигалась железная телега на четырех колесах, которую тянули два грузчика. Телега была доверху завалена фанерными ящиками и пакетами из мешковины. Дождавшись, когда груз подвезут к вагону, Ленька начал перегружать мешки и ящики. Он носился туда-сюда со скоростью молнии. Забрасывая на свои плечи сразу по четыре мешка, он легко вспрыгивал на подножку и исчезал в вагоне, а спустя полминуты появлялся вновь, и все повторялось сначала. Благодаря силе и молодости парнишки выгрузка заняла в два раза меньше времени, и довольный ее результатом Егор потрепал Леньку по плечу.

— Вот это по-нашему, Леня. Теперь вижу, что ты не только ворон считать умеешь, — похвалил он. — Иди, полежи чуток. Скоро тронемся.

СТАНЦИЯ РАСПЛАТЫ

Ленька вскочил на подножку и скрылся в вагоне. Егор постоял еще немного, наблюдая за привычной суетой вокзала. Когда он собрался войти в вагон, к нему подошел парнишка в форме солдата Советской армии. На вид лет двадцать, фуражка на макушке, китель расстегнут, на груди значков куча. Сразу видно — дембель!

— Здорово, служивый, — поприветствовал парня Егор.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался солдатик.

— Давно дембельнулся?

— Четыре дня назад. А вы как узнали? — Лицо парнишки удивленно вытянулось.

— Невелика премудрость. У кого еще пряжка на яйцах висеть будет? — осклабился Егор. — Тебе на наш рейс? Поторопился бы, отправление через пару минут.

— Да тут такое дело, — протянул солдатик и смущенно потупил взор. — Вряд ли меня в него пустят.

— Что, билет потерял? — выдвинул предположение Егор.

— От поезда отстал, — солдатик поднял глаза на Егора. — Глупо так вышло. Мы с приятелями немного отметили и не заметили, как время пролетело. А когда опомнились, наш поезд уже ушел.

— Хреново, — посочувствовал Егор. — Теперь придется за свой счет билеты брать. Ну да не беда, пожалитесь кассиру, он вам из брони билеты выдаст. Дороговато, зато ждать не придется. В летний сезон с билетами всегда туго.

— В этом еще одна проблема. — Солдатик снова опустил взгляд.

— Что, деньги все прожрали? — Егор весело рассмеялся. — Ох, парень, знал бы ты, сколько таких вот дембелей я за десять лет работы повидал! Остается одно — родственникам писать и надеяться, что перевод быстро придет.

— Это уж совсем позорно, — солдатик с печальным видом вздохнул. — Хочется героем в родную деревню прийти, а не нахлебником. Да и перед родителями стыдно.

— Тут уж выбирать не приходится, — рассудительно заметил Егор. — Не здесь же тебе оставаться.

— А вы бы не могли нас к себе взять? — после минутной паузы выдал солдатик. — Мы много места не займем. Сядем в уголочке, вы нас и не заметите.

— Нет, солдатик, подсаживать посторонних в вагон нам строго воспрещается. Сам понимаешь, груз ценный везем, можно сказать, головой за него отвечаем. За такое не ваша армейская гауптвахта, а что похуже полагается. — Егор похлопал парнишку по плечу. — Мой тебе совет — не

СТАНЦИЯ РАСПЛАТЫ

глупи, пиши родне, пусть деньги высылают. Уверен, мамка твоя так обрадуется, что ты домой едешь, что любую сумму вышлет.

— Не могу я, — с надрывом произнес парнишка. — У нее и так пять ртов, отец неделями дома не появляется, старается лишнюю копейку зашибить. Нет, нельзя мне мамке писать.

— Так у друзей попроси, — снова дал совет Егор. — Друзья-то уж найдут сколько нужно. Тебе далеко ехать?

— В Дуляпино.

— Это где ж такое водится? — шутливо спросил Егор.

— Пятьдесят километров от Иванова, — охотно поделился информацией солдатик.

— Ошибся ты, служивый, нам не по пути. — У Егора от сердца отлегло, уж больно не хотелось отказывать дембелю.

— Так мне бы только до Нерехты добраться, а там приятель обещал на «зилке» подхватить. Он в Нерехту по работе каждый день гоняет, так что с этим проблем не будет, — солдатик воодушевился. — Возьмите до Нерехты, тут езды всего ничего. А мы с ребятами вам грузиться поможем.

— Экий ты шустрый, — рассмеялся Егор. — Мы уж погрузились, долго ждал.

— Кто же знал-то? Я бы раньше подошел, да решиться никак не мог, — признался солдатик.

— А друзья твои где же?

— В здании вокзала сидят. Сначала по другим вагонам ходили, доброго человека искали, — солдатик вздохнул. — Видно, перевелись на свете добрые люди.

— Чего же ты за всех говоришь? Сам вляпался, а на людей наговариваешь. — Егор вдруг рассердился. — Тебе государство деньги на билет выделило, чтобы ты как человек до дома добрался, а ты напился, от поезда отстал и сам же виноватых ищешь.

— Простите, я совсем не то хотел сказать, — парнишка тронул Егора за рукав. — Правы вы. Конечно, правы. Надо было не водку в глотку заливать, а о доме думать. Ладно, пойду я.

Солдатик подтянул ремень, стянул с головы фуражку и зашагал прочь от почтового вагона. Егор смотрел ему вслед, а на душе кошки скребли. В чем-то парнишка был прав: боязливый стал народ, каждый за свою шкуру трясется. А ведь, помнится, и сам на перекладных с армейской службы до дому добирался. Давно это было, двадцать годов прошло, но и теперь нет-нет да и вспомнит, как в поезде его, парнишку, баба Глаша курочкой отварной подкармливала да рассолом домашним отпаивала. И ведь никаких нотаций не читала. Гладила по волосам и приговаривала: «Ничего, милый, похмелье вещь недолгая. Поспишь, и все пройдет».

СТАНЦИЯ РАСПЛАТЫ

— Эй, служивый, стой! — окликнул Егор солдатака. Тот развернулся на каблуках и с надеждой взглянул на почтальона. — Поди сюда!

Солдатик бросился обратно.

— Тебя как звать-то? — спросил Егор.

— Леха. Алексей Спиридонов.

— Беги за друзьями, Леха.

— Возьмете? — переспросил Леха, не веря в удачу.

— Куда ж от вас деваться? Только чур, из вагона до самой Нерехты ни ногой, — предупредил Егор. — Мне неприятности не нужны.

— Обещаю! — Глаза парнишки заблестели. — Мы вас не стесним.

Он опрометью бросился к вокзалу, на полпути обернулся и прокричал:

— Спасибо!

— Чего уж там, — пробурчал себе под нос Егор. На душе стало тепло и как-то щекотно.

Он поднялся в вагон и покричал Леньку, но тот либо не услышал, либо поленился отвечать. Егор заглянул в единственное купе, предназначенное для отдыха почтальонов. Оно ничем не отличалось от любого другого купе проводников: те же две полки для сна, откидной столик, да еще шкафы для личных вещей вдоль стены. «Ничего, до Нерехты вряд ли кому-то спать приспичит, — размышлял он, глядя на спальные места. — А там

солдатики выйдут». Он бросил пару одеял на нижнюю полку и снова вышел на перрон. Солдатик уже стоял у дверей почтового вагона, за его спиной Егор углядел еще двоих. Один такой же салажонок, как и Леха, а вот второй его озадачил. На вид Егор дал бы ему все тридцать, а то и тридцать пять. В темных волосах поблескивала седина, фигура давно потеряла юношеские формы, губы сжаты в узкую полоску. Глаз Егор разглядеть не смог, их закрывал козырек форменной фуражки.

— Это твои приятели? — перегордив вход в тамбур, обратился Егор к Лехе.

— Они самые, — радостно вещал Леха. — Это Димка Лопахин, мы с ним с учебки вместе. А это Григорий Шацков.

— Не поздновато на дембель собрался, Григорий? — обратился к мужчине Егор.

— Так вышло, отец, — не поднимая глаз, вежливо ответил Григорий. — Сначала институт окончил, а уж потом служить пошел, вот годки и набежали.

— Что ж, заходите, — Егор посторонился, пропуская дембелей. — До Нерехты придется сидеть в купе безвылазно. Так что, если кто курит, придется потерпеть.

— Потерпим, отец, — за всех ответил Григорий и первым прошмыгнул в вагон.

СТАНЦИЯ РАСПЛАТЫ

— И никакого спиртного, — бросил Егор вдогонку.

— Этого добра мы уже напились, — выдал тот, кого представили как Димку Лопихина, и разразился громким, неприятным смехом.

— Надо бы вещмешки ваши проверить, — поздновато спохватился Егор. — Да уж ладно, не дурни ведь вы? Должны понимать, что мигом ссажу вас, если что не так.

— Мы понимаем, — на этот раз ответ дал Леха. — И очень вам благодарны.

— Да чего уж там! — Егор махнул рукой, идея подсобить солдатакам уже не казалась ему такой приятной. — Заходите в купе, дверь открыта.

Из громкоговорителя зазвучал голос, сообщающий об отправлении поезда Москва — Владивосток, менять решение не оставалось времени. Егор поднял подножку, захлопнул дверь вагона и, ворча что-то себе под нос, прошел внутрь.

— Чего так долго? — обратился к нему Иван Громов по прозвищу Профессор. Прозвище это он получил за заумные речи, а еще за очки в круглой роговой оправе, которые не снимал даже ночью.

— Дело было, — коротко ответил Егор, решив немного повременить с объяснениями. — Все на месте?

— Если ты про Леньку, то он спит в багажном отделении, — сообщил Профессор. — Дрыхнет,

как медведь в спячке. Эх, молодость, молодость, все у них легко и просто.

Егор усмехнулся, пару месяцев назад Профессору стукнул тридцатник, и это событие он воспринял как угрозу, приближение смерти или по крайней мере завершение лучшего этапа человеческой жизни, по завершении которого его ждет лишь скука и тоска по прошлому. Приближающемуся к своему сорокалетию Егору такое отношение к возрасту казалось по меньшей мере глупым.

— Трофимыч, ты его слышал? — со смешком обратился Егор ко второму напарнику, седовласому Анатолию Трофимовичу Вырикову, из бригады он был самым старшим по возрасту. Собственно, Трофимыч, как именовали его коллеги, три года находился на заслуженном отдыхе. В шестьдесят он, как и положено, получил пенсию, но любимое дело не бросил. Его жена, женщина активная, целыми днями пропадала то у внуков, то у подруг, а то и на выделенном почтовым профсоюзом клочке земли, гордо именуемом «приусадебный участок». При таком раскладе никто Трофимычу палки в колеса не вставлял, и он продолжал работать.

— А то как не слышать! — Трофимыч включился в игру. — Профессор у нас если уж выдаст, то по полной. Да и чему удивляться? В его-то почтенном возрасте в таких вещах пора разбираться.